

ГЛАВА 1. СОКРОВИЩНИЦА ЗАБЫТЫХ БОГОВ

К вечеру погода испортилась, небо заволокло тучами, по крыше застучали первые капли. Друзья собрались у Тима, в его «чертоге», как он именовал дачный чердак, где Тим всегда находил для них что-то интересное — занятие, либо рассказ. Тим как радушный хозяин бросил на пол овечьи шкуры, некогда служившие его родителям автомобильными чехлами. Дождлся, пока Витас с наслаждением вытянется на пушистом лежбище и прекратит позевывать, а Лилия, кое-как пристроив свои длинные худые ноги, закончит ёрзать, и призвал друзей к вниманию.

— Сегодня мы приобщимся к древнему японскому таинству, — заговорщически сообщил он, — а эта книга нам поможет.

Приподнявшись на локте, Витас подался вперёд и ловко перехватил книжку из рук Тима.

— «Оригами», — прочёл он название и показал Лилии обложку, на которой красовалась похожая на лягушку фигурка, сложенная из разлинованного в клеточку бумажного листа. — Дешёвое издание, газетная бумага, — подытожил Витас свои впечатления, пролистав несколько страниц.

Тим, прищурившись, внимательно посмотрел на друга, и тому сделалось слегка не по себе. Витас прекрасно знал, что такой взгляд Тима — неизбежная прелюдия к очередной шуточке, после которой станешь всеобщим посмешищем минимум на неделю. Но на сей раз Тим придержал язык.

— Не суди по внешности, ибо суть не в ней, — многозначительно заметил он. — Знаешь ли ты, что такое оригами?

Витас раскрыл страницу с предисловием и процитировал первый абзац:

— «Ори» — сложенный, «гами» — бумага. Оригами — «сложенная бумага».

Он захлопнул книжку, передал её Лилии и снова зевнул:

— Изготовление бумажных фигурок, только и всего. Развлечение для детей, а вовсе не древнее таинство!

— Любое занятие может быть таинством, всё зависит от отношения, — сдержанно ответил Тим. — Что же касается слова «оригами», то «гами» на японском звучит как «ками». А ками, что б ты знал, это японские божества, природные духи. В давние времена, когда бумага была величайшей редкостью и ценностью, изготовлением фигурок из неё занимались исключительно жрецы. И складывали они бумажные фигурки не для забавы и не как украшения, а чтобы умиловить злых ками или попросить о чем-то добрых. А это самое что ни на есть таинство. Согласен?

— Ладно, малыш, довольно лекций, — Лилия решила предотвратить назревающий спор и перейти к практике. — Попробуем сложить журавлика счастья.

Она показала друзьям изображение фигурки, привлёкшей её своим названием. Витас тотчас оживился. Тим мог заниматься их просвещением часами, но в вопросах практики значительно уступал Витасу. Вот и сейчас Витас моментально ухватил схему сложения, разложения, вдавливания и разглаживания. Глядь,

чудесный журавлик у него уже готов! Тим, загодя поднаторевший в «тайнстве», тоже без труда сложил выбранную фигурку. А вот у Лилии дело не пошло. Она только изводила бумагу на уродцев, ни в какую не желавших обретать нужную форму и стремившихся вернуться к изначальной ипостаси листа А4. Наконец, не без помощи Витаса, которому Тим благородно делегировал право наставничества, Лилия тоже сложила некую неосновательную фигурку, смотревшуюся рядом с журавликами Тима и Витаса как мул, затесавшийся меж арабских скакунов. Но Лилии её журавлик очень понравился.

— Давайте их раскрасим! — воскликнула она, любуясь своим произведением.

Сказано — сделано. В живописи Витас был не слишком силён, так что его журавлик быстро получил незатейливую раскраску: красные и коричневые зигзаги, похожие на молнии, простреливают чёрные кольца. Тим вдохновенно наслаждался игрой с полутонами и переходами цветовых гамм. Окончание процесса, как водится, задержала Лилия. Высунув от старания язычок, она увлеченно покрывала своё изделие мельчайшими разноцветными узорами, создававшими впечатление отчаянной пестроты.

Когда друзья закончили живописный этап и их творения слегка подсохли, Тим попросил Лилию и Витаса встать и взять своих журавликов в руки.

— Мы приносим этих журавликов, — торжественно произнёс он, — в дар каму земли, огня, воздуха и воды, в дар всем божествам, которым поклоняются и поклонялись люди, в дар духам предков, растений и животных. Мы

просим kami принять наши дары и исполнить наши сокровенные желания.

Совсем стемнело. Ветер завывал в оконной раме, безжалостно гнул стволы сирени в саду, стегал по стёклам ветвями берёз, швырялся пригоршнями дождя. В «чертоге», где друзья задумались о своих сокровенных желаниях, потрескивали скатанные из вошины свечи, распространяя медовый дух и отбрасывая причудливые тени на скошенный потолок.

Всем известно, что загадывать желания стоит крайне осторожно. Особенно сокровенные! Особенно, если вы просите kami исполнить задуманное. Такие желания обычно сбываются, да только не всегда люди потом бывают рады. В общем, сокровенные желания — штука серьёзная. В четырнадцать лет желаний много, а вот какие из них — сокровенные? И вообще: о чём просят божества? Друзья могли размышлять над этими вопросами ещё долго, но снизу донёсся голос бабушки, пришедшей за Лилией.

— Пора! — Тим выдернул шпингалет, и ставни резко распахнулись от порыва ветра.

Холодный, пропитанный дождём воздух потоком хлынул в «чертог». Лилия первая вытянула в оконный проём руки с бумажной фигуркой и подбросила своего журавлика вверх. Мгновенный порыв ветра подхватил её дар и унёс во мрак. Пришла очередь Витаса. Он держал журавлика на ладонях несколько минут, но ничего не происходило. Вдруг ветер, налетевший откуда-то сбоку, выхватил из его рук приношение kami, и журавлик исчез в темноте. Когда Витаса сменил Тим, встречный порыв ветра обдал его дождевыми брызгами. Тим помотал головой и

тоже вытянул ладони с журавликом вперёд. Мысленно он помолился всем природным ками, чтобы те приняли его дар. Но ветер сник, точно иссяк. Тим подождал-подождал, потом развёл ладони, и его журавлик упал куда-то вниз, наверное, в кусты сирени перед домом. Ну что ж, если на то воля ками, пусть журавлик будет там. Друзья постояли ещё немного у окна. На прощание Лилия обняла обоих ребят.

— Завтра нас ждет приключение! Готовься! — пообещал ей Тим.

— Мы зайдем за тобой, Или, только не проспи, как обычно, — добавил Витас.

«Или» — так мальчики прозвали меж собой Лилию.

Утро выдалось сумрачным. Дождь, зарядивший накануне, не собирался утихать. Лилия зевнула, потянулась и снова свернулась калачиком. Как же сладко спится под монотонное постукивание капель о железную кровлю! Снизу донеслась какая-то возня, и слышались голоса — строгий бабушкин и два звонких мальчишеских. Тим и Витас! Они же вчера договорились зайти за ней пораньше, поскольку Тим сказал, что сегодня их ждет приключение.

Приключение! Лилию точно сдуло с постели. Она впопыхах натянула джинсы, футболку, свитер, носки и кубарем скатилась по лестнице на веранду. Бабушка уже успела выставить за дверь её негодующих друзей.

— Погодите! Я готова!

— Ты куда собралась?! — встрепенулась бабушка.
— На улице льёт, как из ведра. И не думай о гулянье!

— Дождь скоро кончится, не может же он идти вечно, а я надену жёлтую куртку с капюшоном, плащ и красные резиновые сапоги! — тараторила Лилия, не давая бабушке возможность вставить контраргументы.

Спешно облачившись во всё вышеперечисленное и даже не взглянув в зеркало, чтобы не расстраиваться, она выскочила за дверь. Тим и Витас, дабы не мокнуть понапрасну, приютились под крошечным козырьком. Прижавшись друг к другу, они философски созерцали лужу перед крыльцом, превратившуюся в небольшой прудик. От капель расходились круги и образовывались маленькие пузырьки. Завораживающее зрелище, от которого легко впадаешь в транс. Однако с появлением Лилии друзья вышли из медитативного состояния и попытались спинами продемонстрировать ей своё презрение.

— Не вздумайте дуться, — опережая ворчание мальчишек, Лилия повернула обоих приятелей к себе лицом, чмокнула каждого в мокрую щеку и наградила их очаровательной белозубой улыбкой.

— Соня! — без особого возмущения буркнул Витас. Тим ничего не сказал, только глянул на неё снизу вверх как-то странно.

Лилия знала подход к своим друзьям — её улыбка действовала на них безотказно! Не подумайте, Лилия в свои не полные четырнадцать совсем не была красавицей. Долговязая, плоская и по-мальчишески узкобёдрая. Лицо вытянутое, бледное. Многие из её подруг уже успели обзавестись вполне выраженной грудью, обладали соразмерным ногами и кругленькими мордашками с ямочками на щеках. Лилия всего этого не имела. Каждый

вечер, стоя перед зеркалом, она пыталась обнаружить на своём теле новые признаки взросления, но, увы, безрезультатно. Всё в самой себе казалось ей несообразным. Непомерно большие для узкого личика глаза. Чересчур широкий и высокий лоб. Слишком крупный рот. Но главное расстройство — длинные, как у цапли, ноги. Будь они покороче сантиметров на десять, от неё бы не убыло, зато хотя бы Витас смотрелся рядом с ней как пара, а не упирался бы макушкой ей в переносицу. Даже в классе только один мальчик с натяжкой приближался к Лилии по росту, а дачные приятели и вовсе выглядели полуросликами. Теперь же, в короткой дутой куртке — жёлтой, заметьте! — она и вовсе напоминала лимон на ножках. Прозрачный полиэтиленовый плащ не скрывал этого глупого сходства. В придачу красные резиновые сапоги на два размера больше. Хоть бы они слетели и исчезли в чавкающей грязи! Единственной мажорной ноткой в потоке этой желчной самокритики являлась мысль о своей улыбке. Улыбка у Лилии была действительно чудо как хороша — такая солнечная и радостная, что за одну лишь эту улыбку друзья прощали ей капризы и перепады настроений, рассеянность и забывчивость.

Ребята шли молча. Шелест дождя порождал в душах меланхолический настрой. Тим, как обычно шагавший в ногу с Витасом, тоже пребывал в невесёлых раздумьях. Но не внешность являлась их причиной. Внешность, когда тебе четырнадцать, конечно, не совсем последняя вещь. Как ни старался Тим одеждой подчеркнуть свою принадлежность к сильному полу, облик его был далеко не мужественным. Мягкие льняные волосы, голубые глаза,

опушенные по-девичьи длинными золотыми ресницами. Однажды он попытался было их повыдергать, но стало больно, и Тим быстро отказался от этой затеи. И всё же Тим, в отличие от Лилии, не слишком сильно переживал из-за внешности. Пусть он тощий, невысокий, узкоплечий, словом — не спортсмен, что с того?! Тима никогда особо не влекли командные игры и соревновательный дух мальчишеских забав.

— Ты не боец, — как-то бросил ему учитель физкультуры, и Тим, помнится, ужасно обиделся.

Однако в глубине души не мог не согласиться с этим. Он любил мечтать, читать, рассказывать о прочитанном, слушать музыку. А драться терпеть не мог.

— Ты живёшь одними фантазиями, — вздыхал отец. — Ты слишком мягок, чего мужчина не должен себе позволять. С твоей чувствительностью ничего не добьёшься в жизни!

И Тим стал учиться драться. Правда, не кулаками, а словами, благо, за словом он не лез в карман. В конце концов, он наловчился так здорово всех вышучивать и осмеивать, что даже самые задиристые мальчишки опасались цепляться к слабосильному Тиму, зная, что тот может в два счёта превратить любого героя в предмет глумливого хохота всего класса.

— Пусть Витас — боец, а я — шут, — обычно думал Тим, сравнивая себя с физически более развитым приятелем, — зато со мной весело.

Но сейчас ему было совсем не весело. Внезапная тоска охватила Тима, пока в ожидании Лилии они с Витасом созерцали капли, падающие в лужу. Тим вдруг отчего-то подумал о Золотом мосте, с которого бросаются в

залив люди, сводя счёты с жизнью. Про скорбную славу Золотого моста им рассказала Лилия, она бывала в Сан-Франциско — там жили её родители. На мгновение Тиму почудилось, что он видит перед собой не капли дождя, а маленьких печальных человечков, прыгающих с небес, чтобы раствориться в воде, разбиться о металл, исчезнуть без следа в земных недрах...

Если бы Тим решил поделиться своим настроением с Витасом, тот бы просто округлил глаза и покрутил пальцем у виска:

— Ну, ты даёшь, старик! Это ж дождь. Круговорот воды в природе!

Витасу, не наделённому избыточным воображением, жилось легко и просто. Подобно организму со стойким иммунитетом, надёжно защищённому от проникновения чужеродной инфекции, Витас был невосприимчив к вещам, лежавшим за пределами рациональной логики. Вопросы «почему» и «зачем» мало его тревожили. Зато он живо интересовался вопросом «как». Как устроено? Как работает? Как сделать? Витас никогда не усложнял жизнь, его вполне устраивало то, что есть: ему нравилось дышать и двигаться, есть и пить, засыпать и просыпаться, мастерить что-то руками и разбираться в разных алгоритмах и схемах. Самокопание и болезненные фантазии были ему чужды.

Лилия его часто озадачивала. Её суждения и поведение не подчинялись законам логики. Витас никогда не мог предугадать заранее, что она скажет, как поступит, чью сторону — его или Тима — примет, когда между приятелями случались споры и стычки.

Так было, например, и в тот раз, когда Витас решил похвалиться перед друзьями и заявил, что Тим за целый

день не справится с задачкой, которую он сам на олимпиаде по математике решил за пятнадцать минут. Простенькой такой задачкой: прямая делит плоскость на две полуплоскости; на одной полуплоскости — точки А и В; нужно найти на прямой такую точку С, чтобы сумма отрезков АС и ВС была минимальной. Поспорив с Тимом на щелбан и оставив его искать решение, Витас отправился играть с Лилией в бадминтон. На обратном пути он самодовольно заметил:

— Уверен, что старина Тим не решит задачку.

— Он и не будет её решать, — пожала плечами Лилия. — В твоей задаче для него нет никакого смысла.

— Смысл любой задачи в том, чтобы найти решение, — парировал Витас.

— Смысл задачи в том, чтоб было понятно, зачем и почему её надо решать, — возразила Лилия.

— Сразу видно, что ты не бывала на олимпиадах! — засмеялся Витас. — Если у тебя есть задача, нужно понять не зачем её решать, а как её решить!

— Это не самый важный вопрос, — невозмутимо ответила Лилия. — Для тебя смысл этой задачи был в том, чтобы получить очки, выиграть олимпиаду и доказать, что ты умнее всех. Для Тима этого смысла нет. Ему и так известно, что он знает больше нас с тобой раз в десять. Если бы он нашёл в этой задачке для себя какой-то смысл, а не одну лишь абстракцию АС плюс ВС, не сомневаюсь, что он бы справился с ней не хуже тебя.

— Но мы же поспорили! — разозлился Витас. — Для него есть смысл искать решение хотя бы потому, что он согласился на пари! А ты говоришь, что он даже не будет её решать!

— Он проиграет ваш спор и не поморщится. А ты выиграешь. И что с того?

Витас растерялся от такой постановки вопроса.

— Ты ничего в этом не смыслишь, потому что ты — девчонка! — только и сказал он. — Мужчина всегда должен принимать вызов, если он боец.

— Боец принимает вызов, если знает, зачем и почему он должен его принять. Тот, кто принимает любой вызов, не боец, а дурак. Лови! — Она бросила ему ракетку и, махнув рукой «до вечера», зашагала в направлении Тимовой дачи.

«Или не права! — возбуждённо доказывал сам себе Витас. — Вечно несёт какую-то чушь! Задачи существуют, чтобы их решать, а не задаваться идиотскими вопросами «почему» задача именно такая и «зачем» её решать. А вызов существует, чтобы на него отвечать, когда тебе его бросают!»

И всё же что-то в словах подруги его задело, он даже сам не мог понять, что именно. И снова, как уже частенько бывало, Витасу показалась, что Лилия несёт невнятную угрозу порядку и стабильности его мира. Он не мог разобраться в своём отношении к Или. В ней было нечто, казавшееся ему одновременно пугающим и притягательным. Так порой чувствуешь в воздухе приближение грозы задолго до первых громовых раскатов, и сладко сжимается сердце от предвкушения ужаса и восторга.

С Тимом дело обстояло проще. Тим вечно что-то выдумывал и населял зримую реальность порождениями своей фантазии, но его Витас хотя бы мог понять. Правда, тоже далеко не всегда. Иногда Тим надевал маску

глумливого клоуна и становился совершенно невыносимым. В такие минуты Витас его терпеть не мог. В другие моменты Тим казался удивительно симпатичным парнем. Его эрудиция, как справедливо заметила Лилия, не знала границ, и он рассказывал друзьям множество интересных вещей. К тому же Тим высоко ценил практические навыки Витаса и мог легко превозносить его достоинства при Или (сам Витас в отношении друга не был способен на подобное великодушие). Шуточки Тима нередко бывали оскорбительными, но если уж Тим выходил победителем в споре, то никогда не злорадствовал. Наоборот, делал все, чтобы Витас не чувствовал себя проигравшим и униженным. Так было и в случае всё с той же злополучной задачкой.

Когда они встретились вечером на предмет разрешения пари, Тим показал Витасу листок с нерешённой задачей и сказал:

— Я не справился с твоей задачей, Витас!

На слове «твоей» он сделал ударение, после чего подставил приятелю лоб. Лилия, наблюдавшая за ними со стороны, загадочно усмехалась, и Витасу почему-то стало неловко перед ней. Ведь именно такой исход она и предсказывала: Тим проиграет спор и нисколько не огорчится. Но Тим всё-таки пытался искать решение! Судя по листочку, он довольно долго вычерчивал циркулем из точек А и В какие-то невразумительные дуги.

«Вот здесь, Или, вышла ошибочка, — удовлетворённо подумал Витас, отвешивая другу щелбан. — Мужской спор — это вопрос о достоинстве, и ты в этом ничего не смыслишь!»

Тим потёр ладонью лоб и лукаво подмигнул Лилии:

— Зато я решил задачку Или, — сообщил он и предъявил Витасу новый листок с абсолютно корректным решением всё той же задачи, только точка «А» именовалась «Тимом», точка «В» «Витасом», а искомая «С» «местом спасения».

И Тим рассказал следующее. Промаявшись над задачей с полчаса и не найдя никакой идеи, он улегся с книжкой и забыл про пари. Перед обедом заявила Лилия и поинтересовалась, как у него обстоят дела с задачкой Витаса. Тим ответил, что никак.

— И правильно, брось эту задачу, — поддержала его Лилия, повертев в руках листок, на котором Тим пытался выжать из себя хоть какой-то зачаток решения. — Реши лучше другую.

Она взяла новый листок и нарисовала две точки.

— Представь, что вы с Витасом оказались в прерии, и на вас напали индейцы. Удирая от них, вы разбежались, и ты оказался в точке «А», а Витас в точке «В».

Лилия подписала точки «Тим» и «Витас».

— Витас ранен и умирает от жажды. Чтобы его спасти, ты должен немедленно принести ему воды. Река протекает вот здесь, — Лилия начертила прямую. — Тебе нужно бежать со всех ног, не потеряв ни единой доли секунды, поэтому требуется найти кратчайший путь от тебя до Витаса так, чтобы в «месте спасения» на реке ты успел зачерпнуть ему воды.

— Как видишь, старик, — рассмеялся Тим, завершая рассказ, — я нашёл «место спасения». А то стал бы я без нужды бегать к этой реке и искать там какую-то точку «С»! Так что, дружище, подставляй лоб и радуйся, что я вовремя доставил тебе воду!

Витас был рад склонить голову перед приятелем и надеялся, что тот не заметит краску, залившую его щеки. Он испытывал жгучий стыд за своё бахвальство и перед Тимом, и перед Лилией, предрекавшей, что Тим решит задачу, если она будет иметь для него смысл.

Обычно именно Тим придумывал, что их троица будет делать, а в вопросе как воплотить затею в жизнь целиком полагался на Витаса. И все-таки конечную судьбу того или иного начинания определяла Лилия. Если она приходила от идеи в восторг, ребята вдохновлялись и дерзали. Если делала скучающий недовольный вид, у них быстро пропадал интерес к своему замыслу.

Не встретив по пути ни единой живой души, друзья миновали дачный посёлок. За мостиком через речку Чухолку начинался Недобрый лес, небольшой участок которого следовало пересечь, чтобы выйти к Великой тропе. Окрестила лес «недобрым» Лилия. Название прижилось, хотя по справедливости лес следовало бы назвать «несчастливым», больно уж несладко ему жилось рядом с двуногими соседями.

Деревенские жители вырубали берёзы на растопку; дачники выкапывали землю, оставляя лесу уродливые оспины ям; любители отдыхать на пленере помечали места своих стоянок безобразными кучами бутылочно-пластикового мусора, а то и непогашенными кострами.

Неудивительно, что лес не питал теплых чувств к людям. А вы бы питали, если бы вас резали, ломали, жгли и гадили?

Сейчас Недобрый лес был пуст, тих и залит водой. Дождь почти иссяк, теперь казалось, что воздух состоит из

неразличимой водяной пыли, и она оседает на плащах, капюшонах, волосах, ресницах. Вода пропитала землю, как губку, и та сочилась влагой. Ямы и канавы превратились в озёрки и ручейки, вырубки в болотца. Вода снаружи и внутри.

Сапоги с чавканьем погружаются в жидкую почву и пружинят на скрытых под водой холмиках осоки. Осока опутывает сапоги цепкими стеблями, и каждый шаг дается с усилием. Шагать нужно особым способом: не рваться с натугой из невидимых объятий, а нащупав направление роста травы, неторопливо передвигать ногу параллельно стеблям. Этот способ передвижения, придуманный Витасом, нельзя назвать быстрым, зато он экономит силы. Идти трудно, но до Великой тропы недалеко.

Лилии нравилось, что кругом вода. Водяная пыль лишала силуэты деревьев природной основательности, делала их зыбкими и размытыми. Мир утратил жёсткие границы реальности и обрёл подрагивающие контуры мокрой акварели. Именно тогда, когда всё становится вот таким: неопределённым, нечётким, наполненным сгустками неясных образов — и возможно приключение.

Преодолев две трети пути, они попали в полосу густого тумана. То и дело приходилось останавливаться и напряжённо всматриваться в молочную пелену, дабы различить, что находится в нескольких шагах от тебя.

Тим, потерявший из поля зрения друзей, внезапно похолодел от мысли, что он навсегда заблудится в тумане и будет скитаться в этом зябком призрачном мире до скончания времён. Он хотел закричать и не смог, точно клок тумана застрял у него в горле. От паники его спас рассудительный голос Витаса, прозвучавший совсем рядом.

Витас, единственный из группы, оказался не восприимчив к чарам тумана. Он полностью сосредоточился на движении и сейчас предупреждал друзей, чтобы они смотрели в оба и случайно не напоролись на пень, притаившийся под водой.

Внезапно в мире словно что-то поменялось. Разом посветлело, воздух наполнился рассеянным светом, туман таял на глазах. Друзья с облегчением обнаружили, что они двигались по границе леса почти параллельно Великой тропе. Всё-таки Недобрый лес их поморочил и попугал! Просто чудом никто не бухнулся в яму с водой и не переломал ноги о пни и коряги, тянувшие к ним жадные лапы из-под воды.

Если бы ребята посмотрели вверх, на высокую крону берёзы, под которой они скинули мокрые плащи, куртки и сапоги, посмотрели очень-очень внимательно, то, возможно, сумели бы разглядеть среди покачивающихся ветвей три раскрашенные бумажные фигурки. Но друзья смотрели не вверх, а вперёд. Туда, где Великая тропа отделяла Недобрый лес от поля.

Поле! Это пространство во всей его объёмности. Оно безгранично и соединяется с небом от горизонта до горизонта, оно вливается в лёгкие и дарит вам крылья. Духи воздуха подхватывают вас под руки, приподнимают и несут вперёд, а духи земли убирают с вашего пути мелкие камушки, щекочут босые пятки бархатными листьями подорожника и, смеясь, дуют в эти самые пятки, чтоб веселей бежалось. Эй, куда летишь-бежишь? Как куда?! К старушке-сосне, что посреди поля упирается макушкой в небеса! Вон она своей кроной уже раздвинула облака — и хлынуло солнце! В благодарность за помощь

высветило её всю, и она парит над миром в потоке света, величественная и прекрасная, как древняя богиня. И прямо за ней возносится ввысь сияющий разноцветный световой столб, изгибается в небе дугой и исчезает за горизонтом.

Журавлики счастья с высоты кивают бумажными головками вслед трём маленьким фигуркам, бегущим к радуге. Фигурки быстро удаляются, делаются всё меньше и меньше, превращаются в тёмные точки и пропадают из вида...

Если вам повезло, и вы хоть раз в жизни сумели приблизиться к основанию радуги, то никогда не забудете непередаваемого ощущения особой энергии, пульсирующей в жилах её живых красок. Воздух вокруг посверкивает и потрескивает, кожу слегка покалывает. Можно протянуть руку и погладить радугу... Ух, как здорово!

Если вы скажете, что это невозможно, то будете правы. Это невозможно, если вы устали от жизни, если вы боитесь или сомневаетесь, если вы слишком хорошо знаете, что это невозможно. Но для юных, не ведающих страхов и не подозревающих, что есть что-то невозможное, это очень даже возможно. Особенно, если журавлики счастья одобрительно кивают вам вслед. Нужно просто взяться покрепче за руки, сделать шаг и...

...вы внутри радуги! Сначала мир полностью окрашивается в красный цвет! Красный впереди, сзади, по обе стороны от вас, над головой и под ногами... Красный вибрирует, проникает, заполняет, оглушает. Пульсация красного — это энергия жизни, всякой, что ни есть.

Сердце бьётся учащённо, алая кровь торопливо бежит по алым артериям, алым венам, алым капиллярам. В ушах стоит грохот — барабаны отбивают дробь всё громче и громче, призывая бога грома! Шаг и...

...музыка меняется. Вас окружает яркий оранжевый свет и, кажется, что вы чувствуете запах апельсинов. Оранжевый играет Бранденбургский концерт и танцует с вами, оранжевый радуется и смеётся над вашими оранжевыми рожицами и вихрями, оранжевыми маечками и джинсами... И вы вращаетесь в оранжевых вихрях, пока совсем не закружится голова, и...

...вас выбрасывает в сияющий золотой поток! Золотой — это свобода и величие, лёгкость и напор. Это Болеро, и волны музыки подхватывают вас и увлекают за собой. Посмотрите, как вызолочена ваша кожа, каждая клеточка пронизана золотым светом, пропитана им... Золотой поток взывает к вам: смелее, мои золотые, вперёд, к приключению! Вы шагаете и...

...оказываетесь в изумрудном мире! Зелёная полоса радуги — это ваши четырнадцать лет, это молодость и здоровье; свежесть майского утра и птичьи трели, звенящие в воздухе; движение, скорость, стремительный полёт ласточек и стрижей. Вперёд, путь открыт, вам — зелёный свет!

И — на полном ходу — вы проваливаетесь в невесомость! В безмятежное сияние небес, в успокоительную прохладу голубого! Здесь звучат скрипки и поют небесные хоры. О, какие чистые, юные голоса... Они омывают вас, растворяют горечь и печаль, проникшие в вашу душу давным-давно, может, в первый миг вашего появления на свет, а может, ещё раньше. Промытые

сиянием голубого, глаза обретают необычайную ясность, и вы вдруг видите, что мир — такой, каков он есть — хорош и правилен, прекрасен, божественен...

Постепенно голубой теряет прозрачность, превращается в цвет передовых отрядов волшебницы-ночи, которые быстро наступают с востока, в то время как на западе слабеющие солнечные лучи пытаются дотянуться до небес в прощальном ласковом прикосновении.

И вот уже глубокая синева обволакивает, окутывает, окружает вас. Она укачивает вас в колыбели, возвращает к самым истокам, к материнскому чреву, к океанским глубинам. Звуки здесь приглушены, словно уши забиты ватой, словно вы нырнули глубоко-глубоко и кажется, что дальше уже некуда. Но путь ещё не пройден, ещё глубже, и...

...полная невыразимой нежности, всепроникающая музыка фиолетового пространства. Она уносит вас в область запредельного, в точку слияния мгновения и вечности, где исход соприкасается с истоком. И в кристальной чистоте фиолетового света вы постигаете, что всегда были и всегда будете, и ваша судьба неразрывной нитью вплетена в узор мироздания. Вас охватывает молчаливое благоговение, от которого выступают слёзы. Из-за слёз фиолетовый свет начинает фасеточно дробиться, в нём зарождается внутреннее движение, какая-то неведомая сила мягко выталкивает вас наружу и...

— Где это мы? — Витас легонько ткнул Тима локтём в бок.

Вопрос прозвучал гулко и испуганно, и Витас смутился, но друзья не заметили его смятения. Они

озирались по сторонам с не меньшим изумлением, чем он сам, и, судя по всему, никаких здравых идей относительно их местопребывания не имели. Место, в котором они оказались, напоминало громадную пещеру, стены и своды которой скрывались во тьме. Однако вокруг друзей пространство было слабо освещено.

— Где же источник света? — снова спросил Витас, старательно скрывая дрожь в голосе. — Как-то странно... Сверху, снизу и сбоку темно, а вокруг нас светло.

Не то, чтобы источник непонятого света так уж сильно занимал Витаса, просто хотелось зацепиться хоть за что-то, вернуть ощущение здравого смысла и почвы под ногами. Но здравый смысл ускользал; почва под ногами тоже была склизкой и холодной. «Сапоги и куртки здесь оказались бы очень кстати. Носки бы тоже не помешали», — думал Витас, потирая поочередно замерзшие ступни. Тим и Лилия тоже клацали зубами — не то от холода, не то от потрясения. Наконец, к ним вернулся дар речи. Первой из столбняка вышла Лилия.

— Вот это да... — прошептала она. И вдруг, развернув щуплого Тима к себе лицом, звонко чмокнула его куда-то в переносицу. — Тим, уж ты ли это наколдовал или твои камни, но приключение потрясающее!

В её огромных глазах сквозило такое неподдельное восхищение, что Витас невольно почувствовал укол ревности. Малюсенький такой укольчик! «Определённо у Или с головой не в порядке, — вздохнул он про себя, — вместо того, чтобы подумать, как нам отсюда выбираться, она щебечет от восторга!» И всё же от радостной улыбки Лилии вокруг потеплело и посветлело, даже ступни перестали мёрзнуть. Чудеса! Витас покосился на друга —

тот выглядел озадаченным. Похоже, Тим тоже не совсем разделял восторги Лилии и был не готов принять ответственность за это приключение на себя. «Хорошо, хоть наш остряк в своём уме, — раздражённо подумал Витас. — Ну, старик, предложи что-нибудь дельное!»

Тим прокашлялся:

— Давайте для начала осмотримся.

«Просто гениально! — мысленно съязвил Витас и тут же осёкся. — А ведь, пожалуй, я тоже считаю, что это по милости Тима мы тут оказались. Хорош я реалист! Да что вообще со мной происходит?!» Последнее мысленное восклицание относилось к нахлынувшим на него противоречивым эмоциям, вдребезги разбивавшим привычное состояние душевного равновесия.

Дальнейшие события посыпались слишком быстро, и Витас овлёкся от размышлений о самом себе. Первое открытие оказалось связанным с источником света. Лилия отошла на несколько шагов, и Тим вдруг воскликнул:

— Или! Ты светишься, как радиоактивный элемент! Ты случайно рыбы на ужин не переела? А фосфором на ночь не натиралась? Светящаяся Или из дома Баскервиллей!

Лилия оглянулась и засмеялась:

— Вы, между прочим, тоже светитесь. Здорово! И фонари нам не нужны, а факелы подавно, мы сами светим изнутри неярко, но исправно.

Витас возмутился про себя: чёрт знает что происходит! Друзей обуял бес легкомыслия. «Между прочим, — думал он, — сравнение с радиоактивным элементом — самое адекватное, и в этом нет ничего смешного».

Но смех Лилии вдруг оборвался:

— Ой! — сдавленно прошептала она, — кажется, это музей... Взгляните сюда!

Мальчики приблизились и увидели статую женщины. Странную такую статую, Лилии примерно по пояс. Неведомый ваятель не потрудился проработать голову своего творения — видимо, эта часть скульптуры интересовала его наименее. Зато тело! Женщина в ширину была примерно такой же, как в высоту. Огромные груди, напоминающие узбекские дыни, свисали до гениталий, прописанных так тщательно, что друзья невольно покраснели. Талия переходила в необъятные бедра, из которых росли толстые ноги. От статуи исходил жар, как от хорошо протопленной печки. Следующая статуя — такая же, только крошечная головка, прилепленная к мощному телу, и вовсе не человеческая, а птичья. Тоже жар. Следующая — аналогичная, следующая, следующая... Друзья сбились со счёта. Иногда попадались статуи с двумя головами, такими же аляповатыми и лишёнными лиц. Разного размера, цвета, материала, все статуи походили друг на друга как сёстры-близнецы. Все обдавали жаром.

Неожиданно статуи кончились. Появился столб. Цилиндр, круглый в основании и плавно закруглённый кверху, с гирляндами каменных цветов внизу. От него исходили волны дикой, необузданной силы. Ещё один такой же столб. Ещё один... Наконец, и столбы закончились. И они увидели на каменном постаменте ожерелье из черепов, раскрашенных в три цвета: белый, красный и чёрный. Рука Лилии непроизвольно потянулась к ожерелью, как вдруг...

— Не прикасайся! — Голос, похожий на музыку, заполнил своды пещеры.

Друзья как по команде обернулись. Существо, приближавшееся к ним, тоже светилось, но иначе, чем они. Контуры его (её?) тела постоянно менялись, точно ослепительные радужные пазлы сплетались в замысловатые узоры и тут же распадались, чтобы в следующее мгновение породить новое сочетание. Брызги яркости — до рези в глазах, непрерывная изменчивость — до головокружения.

— Приветствую избранных! — пело радужное существо. — Какое удовольствие снова встретить людей в сокровищнице забытых богов! Такого не случалось уже давно. Очень давно!

— Давно-давно-давно... — вторило эхо под сводами.

— Но вам нельзя здесь задерживаться, иначе вы не вернетесь в свой мир никогда!

— Никогда-когда-да... — подтвердило эхо.

— Выберите себе один дар, какой пожелает ваше сердце. Сокровища забытых богов в вашем распоряжении. Но помните: с этого мгновения вы не должны издавать ни звука, не должны ни к чему прикасаться, пока не сделаете свой единственный выбор. Не теряйте времени, выбирайте!

И вспыхнул свет! Пещера оказалась не просто огромной, а фантастически огромной! И вся была заполнена какими-то диковинными вещами, о смысле и назначении которых ребята не имели ни малейшего представления. Каменные изваяния и просто камни, медные и золотые изделия, мечи и щиты, топоры и золотые шкуры. Треножки и сосуды, копья и жезлы, громадные ступы и пестики, петли и сети, дудочки и арфы,

посохи и троны, луки и колесницы, ковры и гобелены, всевозможные украшения и одеяния. Застывшие деревья со спящими змеями и птицами, неподвижные крылатые кони, вепри, псы, чудовища... Чего тут только не было! Друзья, поначалу жавшиеся друг к другу, постепенно разбрелись в разные стороны. Что толку ходить толпой, если нельзя даже посоветоваться?

Лилия восхищённо бродила по сокровищнице забытых богов. Всё казалось ей манящим и притягательным, от каждого предмета исходили свои неповторимые чары. Но мысль об ожерелье, которого она едва успела коснуться, не выходила у неё из головы. Вдруг Лилия увидела прелестную вещицу — лёгкий, воздушный на вид, поясok из чего-то, очень похожего на крылья бабочек. От пояса исходили волны, пробуждающие приятную истому в теле и какие-то неведомые желания. Беззвучный голос в сознании пел, просил, умолял: «Возьми меня». У Лилии захватило дух, она забыла про ожерелье и про всё на свете. В целом мире остались только она и этот пояс!

Тима предстоящий выбор пугал. Всё здесь не так просто, в каждой вещи скрыт свой подвох! Однако выбирать всё равно надо, не то его более решительные друзья вернутся в нормальный мир с дарами, а он так и останется во мраке пещеры среди чудовищных экспонатов. Но по каким критериям делать выбор? Инструкции по эксплуатации с описанием характеристик к сокровищам не прилагались. Что ж, остается полагаться на ощущения. Увы, ощущения показались Тиму на редкость отталкивающими. Слишком много запаха ярости и привкуса крови, обжигающего жара и ледящего ужаса.

Даже от невинных музыкальных инструментов исходили вибрации безумия. Чем дальше, тем меньше всё это нравилось Тиму. Восторженный возглас Лилии, отразившийся эхом от сводов пещеры, заставил его двигаться быстрее. Артефакты замелькали перед глазами, в висках застучало. Тим был почти в полуобморочном состоянии, когда увидел сумку. Кожаную сумку, старую и потёртую, довольно объёмную. На сумке аккуратно выстроились гладко отполированные фигурки — семь рядов по семь фигурок. Изготовлены они были из кости цвета крем-брюлле. Фигурки имели одинаковую форму и напоминали клыки. С карандаш в высоту и сантиметра четыре в диаметре основания. От всей композиции веяло прохладой. Почему-то Тима более всего умилил цвет фигурок и их количество.

— семью семь, — пробормотал он и начал стребать фигурки в сумку. Наконец-то на него снизошло успокоение.

А Витас откровенно злился. Он не знал, что делать с нахлынувшими на него эмоциями. Не знал, что делать с дурацким выбором, который им навязывало радужное существо, и мысленно проклинал фантазии Тима, из-за которых они влипли во всю эту историю. Чувство справедливости подсказывало Витасу, что Тим тут вовсе не при чём. Нечто, не имеющее названия, могущественное и непознанное, подняло их сегодня утром и, невзирая на дождь, погнало в недружелюбный лес, потом морочило в радуге, а теперь выбросило в эту реальность, которая не была реальностью и разбивала все представления Витаса о мире, как гнилой орех!

— А в радуге было здорово! — подало голос чувство справедливости.

Из-за внутреннего разлада Витас совсем обезумел. Ему захотелось начать крушить всё без разбора, разносить вдребезги ненавистные «сокровища», придушить своих друзей вместе с радужным существом и... он заплакал. Это были слёзы отчаяния и бессилия перед чем-то неведомым в самом себе. «Кажется, Лилия чего-то усмотрела, — угрюмо констатировал Витас, — вон как верещит на всю пещеру. Ну и ладно, возьмём, что под руку попадет. Всё равно ни в чём здесь проку нет и быть не может!»

Витас ухватил с пола первую попавшуюся вещь, похожую на ранец, и от неожиданности охнул. Ранец оказался на редкость увесистым, в нём задорно позвякивал металл.

— Ваше время истекает, — раздался голос радужного существа. — Сюда! Ко мне! Торопитесь, если вы не хотите остаться здесь навсегда...

Казалось, голос нёсся со всех сторон. Просто потрясающий акустический эффект!

— Навсегда — всегда — да... — гремело эхо.

Друзья со своими трофеями со всех ног бросились к радужному существу. Едва они приблизились, как на них обрушилась лавина звуков, вокруг закрутился бушующий вихрь красок, который сжимался кольцом всё плотнее, пока полностью не вобрал их в себя.

Ку-ку, ку-ку... Гулкий голос кукушки разбил безмятежность майских сумерек, пахнущих дымкой костра, тихо солнце садится, пастельная нежность залила небеса, как улыбка Христа.

Друзья протирали глаза, недоумённо озираясь по сторонам. Что же, выходит они проспали весь день в поле под старушкой-сосной?

— Нам это всё приснилось, да? — с надеждой спросил Витас и тут же осёкся. Его взгляд упал на потёртый увесистый ранец, валявшийся возле ног.

Тим также озадаченно взирал на объёмную кожаную сумку, весьма древнюю на вид. Лилия что-то сосредоточенно нащупывала в кармане джинсов. Все молчали, говорить не хотелось. День выдался слишком насыщенным — даже для любителей приключений, пожалуй, чересчур. Теперь им хотелось чего-то обыденного и привычного. У ребят разом вдруг заурчало в животах. Босые ноги вконец заоченели. Вспомнилось, что домашние, наверное, не находят себе сейчас места от беспокойства и всыпят им по первое число. Друзья вскочили и поспешили к берёзе, под которой побросали свои вымокшие вещи. Возвращаться решили другой дорогой, делавшей изрядный крюк, зато в обход Недоброго леса. Бродить по этому лесу в сумерках никому не хотелось.

Поздним вечером Лилия, как обычно, проводила перед зеркалом инспекцию своей внешности. Зеркало отражало всё того же длинного, тощего, плоского, как селёдка, подростка, что и накануне. Лилия вздохнула. Девочки из её класса беспрерывно обсуждали, кто в кого влюблен; некоторые успели обзавестись кавалерами из числа старшеклассников, а на неё никто не смотрел как на избранницу сердца. Да и сама она ещё ни разу не влюблялась. Обидно, между прочим! В мечтах Лилия

представляла себя красавицей, от одного взгляда на которую у юношей перехватывает дыхание. Потом возвращалась к реальности.

— Да уж, — грустно сообщила она зеркалу, ткнув пальцем в своё отражение. — При взгляде на такое перехватит, пожалуй, дыхание. От смеха!

Со вздохом она достала из шкафа полупрозрачный тюль и попыталась соорудить из него одеяние на манер сари. Вспомнила про поясok из крыльев бабочек, извлекла его из кармана влажных джинсов, повертела так и этак, прилаживая к «платью», снова глянула в зеркало и обомлела...

В зеркале отражалась девушка, прелестней которой Лилия в жизни не видела! Вместо стриженных под мальчишку вихров на спину ниспадали длинные иссиня-чёрные кудри с фиолетовыми прядями. Совершенное лицо, чем-то отдаленно напоминавшее её собственное, отличалось мягкостью и гармоничностью черт. Притягательные, глубокие, загадочные глаза, от которых невозможно оторваться. Девушка была её роста, имела такие же длинные ноги. Но что это были за ножки! А точеный изгиб бедра! А тоненькая талия! А небольшая, идеальной формы грудь! А нежнейшая молочно-белая кожа (не синеватая в пупырышках с цыпками на руках и синяками на коленках). Старый тюль на ней помолодел, похорошел и смотрелся как роскошное свадебное платье. Лилия не сдержала восхищённой улыбки, и красавица ослепительно улыбнулась в ответ.

— Ты — это я? — недоверчиво спросила Лилия.

Отражение беззвучно повторило вопрос.

— А если мы поступим так? — Лилия, скинув пояс и тюль, вновь обратилась к зеркалу.

Красавица исчезла! Зеркало отражало то же, что всегда. То да не совсем... Словно на её обычное отражение упал едва уловимый отсвет только что виденного совершенства. А может, Лилия просто посмотрела на себя новыми глазами и увидела в себе нечто такое, чего не замечала до сих пор?

Лилия вновь примерила пояс, на сей раз без тюля, и снова ошеломительное превращение в сказочную принцессу.

— Ай да пояс! — счастливо засмеялась она, крутясь перед зеркалом и любуясь собой со всех сторон. — Ну, теперь держитесь у меня! — погрозила Лилия кулачком неизвестно кому.

В ту ночь ей приснился сон. Из пены моря выходит женщина. Она велика, и горы на её фоне кажутся игрушечными холмиками, а длинные волосы стелятся солнечной дорожкой до дальних островов. Капли воды сверкают на её жемчужной коже как алмазы. От женщины исходит сияние, она так прекрасна, что смотреть на неё больно. Женщина неторопливо отжимает волосы, поднимает гребень и начинает их расчесывать. Она обнажена, только на талии трепещет лёгкий поясок из крыльев бабочек. Женщина откидывает назад голову, сушит волосы, и они ниспадают вдоль её стана золотым потоком. Вот к ней приближается другая женщина, темноволосая, в длинном белоснежном одеянии. Она тоже хороша собой, преисполнена царственного достоинства. Но что-то гложет её, и нет в ней той безмятежной неги,

что у прекрасной купальщицы. Подошедшая ласково заговаривает с обнажённой женщиной, но слов её не слышно, потом заискивающе показывает на пояс. Первая явно колеблется. Темноволосая продолжает уговоры, чуть не плача. Наконец, владелица пояса с неохотой снимает его и протягивает просительнице. Но красота её ничуть не умалается. Ей не о чём беспокоиться! С поясом или без, она сама является источником красоты.

Кадр меняется, и Лилия видит ту же женщину. Она по-прежнему обнажена, и снова на ней знакомый пояс. Женщина занята, вроде бы ткёт что-то. Внезапно вокруг раздаются голоса. Лилия не видит тех, кому они принадлежат, зато на сей раз слышит речь.

— Владыка! — звенит полный негодования женский голос. — Как смеет она делать не свою работу! Сегодня ей вздумалось ткать вместо меня, завтра она захочет занять место Гестии у очага, а послезавтра будет охотиться в лесах Артемиды! Подумай, Владыка, что будет, если другие последуют её примеру. В мире снова воцарится хаос!

— Успокойся, дочь моя, — рокочет мужской голос, — твои слова, как всегда, мудры и справедливы.

— Прекраснейшая, — мужчина мягко обращается к золотоволосой женщине, и та, возведя к небесам безмятежные очи, улыбается пленительной улыбкой.

— Внимаю тебе, Владыка.

— Твоё дело — вершить любовь! Эта задача — важнейшая из всех, а безделицу предоставь другим.

— Повинуюсь, Владыка.

Женщина небрежно бросает своё занятие. В её облике нет ни намёка на повиновение, видно, что чуждое

дело просто прискучило ей. Целый сонм голосов обрушивается с разных сторон:

— Верши любовь!

— Верши любовь!

— Верши любовь!

И вдруг в сон Лилии врывается новый сюжет. Снова гигантская обнажённая женщина, но совсем другая! Чёрная и ужасная, как порождение худшего ночного кошмара! Из её трёх глаз вырываются снопы искр, из разверстого алого, как кровь, рта высунут длинный язык. В тысяче рук она сжимает орудия убийства: мечи, петли, цепи, кинжалы. На шее — ожерелье из черепов. Под её ногами идет битва, и женщина пляшет на костях поверженных. Она размахивает руками и сносит головы, подхватывает их вновь появляющимися руками и слизывает кровь. Кровь везде, она течет по губам и шее чёрной женщины. Стоны, крики, хрипы тысяч глоток раздавленных её безумной пляской людей слились в единый вой отчаяния, который перекрывается страшным смехом женщины. Вдруг чёрная женщина останавливает кошмарную пляску и начинает искать кого-то взглядом. Лилия во сне цепенеет от ужаса, понимая, что ищут её. Она не успевает проснуться, как все три глаза в упор смотрят на Лилию.

— Держи! — гневно кричит чёрная женщина и швыряет ей в лицо ожерелье из черепов.

Захлебнувшись криком, Лилия проснулась. На крик прибежала бабушка, положила сухонькую ладонь на лоб внучки, которая тряслась и смотрела перед собой ничего не видящими глазами. Обнаружила, что та вся горит, и бросилась к соседям с машиной за помощью. Лилию

отвезли в районную больницу, где госпитализировали с диагнозом «пневмония».

Три недели, которые девочка провела в бреду, врачи всерьёз беспокоились за её жизнь. Потом очень медленно дело пошло на поправку. Всё это время больная сжимала в кулачке не то какую-то полоску ткани, не то поясок, а когда кулачок пытались разжать, заходилась отчаянными рыданиями и бессвязными криками. В конце концов, её оставили в покое. Вскоре прилетела мать Лилии и, когда девочка немного окрепла, забрала её с собой за океан.

Тим и Витас со дня их приключения больше не видели свою подругу. Они продолжали встречаться, но оба остро чувствовали, что без Лилии — её улыбки, восторженности, даже капризов — из их союза словно выпал какой-то сутевой элемент.

О своих трофеях из сокровищницы забытых богов ребята никогда меж собой не заговаривали, словно на эту тему кто-то наложил табу.

С возрастом паузы между встречами становились всё более затяжными, интересы расходились, каждый готовился вступить во взрослую жизнь своим путём.

И однажды наступил момент, когда прежние друзья совершенно потеряли друг друга из виду.

ГЛАВА 2. ДРУЗЬЯ

Встретились они только через много лет, будучи уже взрослыми людьми.

Витас выучился на математика, но он всегда больше тяготел не к учению, а к действию, и теория интересовала его исключительно в прикладных аспектах. К двадцати